

«Мы здесь честно работаем», — сказала Эсме, тяжело дыша, а затем рассмеялась, — «или так мы говорим, чтобы сделать это более сносным. Не то чтобы в этих краях творилась какая-то настоящая нечестность».

Ее разговор прерывался стуком камня о кол. Блондинка била молотком по забору вокруг загона Эудоры с той заботой, с какой часовщик заботится о своих шестеренках. И с большим усилием она измеряла, проверяла, тянула дерево, и, где находила ослабленные соединения, вбивала новые гвозди точными ударами. Внутри уютного загона сено было сложено в кучу, а корыто для воды было наполнено до краев. Под надежной крышей из досок коза Эудора смотрела наружу и блеяла с величественной осанкой султана среди своего гарема.

Корделия начала думать, что брат и сестрой больше заботятся об условиях жизни козы, чем о своих собственных.

Со своей стороны, она уже покончила со всем, что связано с честным трудом. Она сидела на пне, надув губы и раскрасневшись. Серп бесцеремонно лежал у ее ног. Но ее дыхание было единственным, что было затруднено. Если это имело значение, все десять минут она занималась сеном. То есть делала сено из травы. Другими словами, стригла траву. Еще одно служение козе.

В их защиту — в защиту козы — довольно скоро некому будет о ней заботиться. И если брат и сестрой уедут на несколько дней, то вполне логично, что им придется охранять один из своих немногих источников пищи.

Это было нечто совершенно чуждое только Корделии.

Тем не менее, она предложила свою помощь, но потерпела неудачу. Довольно жалко даже за то, что она маленькими шагами привыкала к новому миру. И все же это было то, что она должна была сделать и через несколько минут снова попытаться. Она видела в этом подготовку к самостоятельной жизни, и если не честными делами, то нечестными. Но хотя в последнем не должно быть недостатка в любом месте на земле, где больше двух человек, она скорее будет спать в хлеву с козами, чем заниматься неблагоприятной работой. Или она так сказала себе. Когда острая боль пронзила ее спину, она начала сомневаться в собственной убежденности.

Когда ее легкие и сердце успокоили свои протесты, Корделия беззвучно произнесла несколько слов.

Как обычно, из бессознательной тьмы в сферу истинного видения поднялась табличка. Ее вид был таким же отвратительным, как убийство при ярком дневном свете, таким же жутким, как труп среди живых. Но она была безвредна, насколько это касалось физического мира.

Она не стеснялась этого делать, и много раз вызывала эти вещи с утра. Она запомнила расположение, рассмотрела значения. Единственной причиной проверить это сейчас было

наблюдение за изменениями.

Даже если мышцы можно было нарастить, то то, что отображал планшет, можно было переписать, улучшить. Проблема была в том, как.

Мировой Змей говорил правду, это была простая для понимания система, управляемая тремя основными аспектами: ее покровителем, ее расой и ее классом, — каждый прогресс которых отмечался заполнением содержимого соответствующей сферы.

Самым простым и единственным, о принципе работы которого она могла с уверенностью сказать, был ее покровитель.

Ёрмунганд, Повелитель Змей и Обмана.

На данный момент единственным благословением, к которому она имела доступ, был яд, действие которого может быть случайным и который может не сработать на людях, а против фейри — настоящей угрозы — он оказался был бесполезен.

Сфера уже была заполнена завершением ее первого квеста. Развить это благословение или, возможно, заработать больше, было просто. Ей просто нужно было выполнить больше этих квестов покровителя.

Нет, не совсем.

Ибо это было бесполезное описание. Тактика отвлечения внимания. Уклонение от истины.

Относитесь к этому так, как оно есть на самом деле. Задания звучат слишком безобидно. Миссии вводят в заблуждение. Правильным словом должно быть «проступки». И Змей никогда не упускал эту истину в их первой встрече. Первый из ее поисков гласил: «Заслужи доверие Девы Божьей». По какой причине, как не для того, чтобы эксплуатировать, вредить и предавать, нужно намеренно заслужить доверие конкретного человека?

Не надо быть гением, чтобы догадаться, как можно заслужить благосклонность Владыки предательства и недовольства.

И поэтому этот аспект ее испорченной души был совершенно бесполезен. Ибо она никогда не будет стремиться к нему.

Вторым была ее раса.

Змеелов.

У нее не было змеевидной нижней половины, в последний раз, когда она проверяла. Но по всем расчетам эти аспекты управляли всеми ее атрибутами. Насколько она была сильна, насколько она была приспособлена к магии и так далее и тому подобное.

Она пока не знала, как развить эту сферу, если не считать какой-то темной догадки в голове, которую она боялась воплотить в жизнь.

Итак, оставим это в стороне.

Третий аспект: ее класс.

Соблазнительница.

Она боялась самого названия этого слова, того, что оно предвещало, его провокационной природы.

И все же, то, что это было частью ее натуры, теперь было неоспоримо. И поэтому она должна была хотя бы рискнуть взглянуть. Но она вообще не могла понять этого. Ее лучшим предположением было то, что, поскольку пределы ее тела и духа регулировались ее расой, то, что она могла с ними сделать, лежало полностью в пределах ограничений ее класса. И ничего больше.

На данный момент силы, которые она может использовать, исчисляются пятью, не считая бесполезной расовой способности. И когда она заглянула глубоко внутрь, там было больше скрытых вещей, нереализованных потенциалов. Но как она могла бы достичь их в дополнение к тому, что уже было там, она пока не имела ни малейшего представления.

Единственной подсказкой было число, обозначающее ее ограничение ниже расовой сферы. И поэтому было разумно предположить, что прогрессия этой сферы также управляла числом способностей, которые она могла получить под классовой сферой. Но тогда, какая польза от классовой сферы? Она была в полной растерянности.

Без каких-либо четких указаний относительно того, как она может усилить эти качества, эксперименты оставались единственным вариантом.

И, конечно же, сенокос внес свой вклад. По сравнению с последней проверкой, которую она сделала, яркая часть сферы класса выросла совсем немного. И все же это было не слишком обнадеживающее количество. Поскольку прогулка по саду этим утром сделала ее такой же. И если она не будет довольствоваться ходьбой весь день и ночь, в течение нескольких лет, чтобы заполнить сферу, ей лучше забыть о том, чтобы полагаться на честный труд для чего-либо, кроме расходов на жизнь.

У нее было представление о том, что могло бы помочь.

«Эсме», — позвала она.

«Да?» — обернулась блондинка. Она рассказывала анекдот об одном из многочисленных тайных приключений Эудоры в лесу. Прерванная посреди длинного замечания о тяге коз к странствиям и их удивительной цепкости в дикой природе, Эсме выглядела полной опасений, но она держала их при себе.

Корделия внимательно наблюдала за девушкой, оставляя ее в минутном напряжении. Затем: «У тебя была первая любовь?»

Это ошеломило Эсме. И она запинаясь, чтобы не отставать от резкой смены тем разговора. «А?... Почему так внезапно? Ну, я полагаю, это обычное дело среди вежливых дам, и все такое, подобающее гостиным и павильонам, и всем таким меблированным местам, обсуждать нежную тему...» И никакой козы. «Но нет, у меня этого нет. Никогда», — решительно сказала она.

"Хм..."

Эсме прищурилась. «Ну, ты это испытала, эту штуку?»

Она откинулась назад, подняв лицо к каким-то неясным точкам над ручкой Эудоры. «Интересно... в моем районе был один мальчик. Легкого телосложения, неясной речи. Мечтательный, знаешь таких?» Эсме кивнула с умным видом, что позабавило Корделию. «Ну, этот мальчик и я были, как вы могли бы сказать, друзьями. Поскольку друзья часто бывают товарищами по играм. И я никогда не думала об этом много. Я думала или так верила, что он был своего рода братом, старшим братом, понимаете. Нежным сверх того, что положено дружбе. Но была ли это действительно братская любовь? Теперь у меня есть причина задуматься. Потому что это было не то, что я заметила между вами и Дерриком. Но гораздо более торжественное, временами неловкое, временами уверяющее, в то время как нить нежности и тоски бежала под поверхностью грубых шуток... Что ты думаешь?»

«Я думаю, — Эсме отвернулась, покраснев, — что это больше всего похоже на любовь. Или, по крайней мере, на ту, о которой рассказывают в романах».

«Хм-м, — размышляла Корделия, — тем не менее, это уже в прошлом. Полагаю, нет особой нужды заикливаться на этом. Эудора пробует твои волосы».

Пока блондинка вступала в смертельную схватку с животным, Корделия рассматривала плавающую табличку, видимую только ее глазам.

Сфера класса стала ярче, и, конечно, гораздо ярче по сравнению с тем, что она сделала после ходьбы и сенокоса.

Ложь. Ложь. Обман.

Все это способствовало ее развитию как личности.

Как извращенно.

И все же, несмотря на все это, это было улучшение по сравнению с честным трудом, то, что давала маленькая ложь, которую она сказала Эсме, было далеко не достаточным. В великой схеме вещей, учитывая всю ширину сферы, это было немногим больше, чем капля в океане.

Что было настоящим, что внесло наибольший вклад в яркость шара с тех пор, как она впервые увидела его в царстве Мирового Змея, было ложью, которую она сказала прошлой ночью. Большая ложь, охватывающая целую вымышленную жизнь, предназначенная для обмана ради целей более грандиозных, чем шутка. Она содрогнулась, представив, какова будет жизнь, если снова и снова говорить такую ложь.

Но то, что этот шар обещал использование полезных сил, было правдой. Она могла видеть некоторые из них, таящиеся с соблазнительным шепотом на краю сознания. Ибо это были осязаемые способности с ясными целями, которые могли бы сделать ее жизнь намного проще, позволяли удобные средства для поддержания себя во враждебном и неизвестном мире или различные способы распознавать опасности и полностью избегать их.

Контролировать разум, обманывать чувства, привлекать внимание.

Все эти силы помогут ей с легкостью ориентироваться в мире.

В конце концов, жить — это не так просто, как просто хотеть жить. Хотя, однажды отбросив это, она не забыла, что даже те, кому повезло больше, иногда обнаруживали, что их маленькие уголки счастья разбиваются вдребезги в одночасье. Так разве неправильно — уступить немного, ровно настолько, чтобы страдания прошлой жизни не нашли ее даже в этом месте?

Неправильно, если такие вещи предлагает Владыка Обмана, Лжи и Предательства.

Она покачала головой и взяла серп. Она не была настолько глупа, чтобы думать, что сможет перехитрить демона. Лучше просто не играть в эту игру.

Она вздрогнула. Исчезновение таблички открыло Деррика, который пришел молча. Когда он стоял там, наблюдая за борьбой Эсме с установкой кола, в полном сверкающем доспехе, этот человек казался суровым богом войны, одновременно ужасным и достойным восхищения, перед настоящим дворцом козла.

«Ты все еще этим занимаешься?» — спросил Деррик у сестры.

Девушка пожала плечами.

«С Эудорой все будет в порядке. Нам нужно скорее уходить — в воздухе витает что-то нехорошее», — серьезно заметил он.

Лицо Эсме посуровело, когда она увидела его. Молча она направилась к дому и своим вещам. И только тогда Корделия заметила то, что она упустила, сосредоточившись на различных экспериментах. Лес внезапно затих, неизвестно когда, больше не было звуков маленьких существ земли, шелеста верхушек деревьев и даже далекого ручья. Что-то действительно отвратительное происходило.

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4451838>